

К 110-летию Ильясa Есенберлина

Ильяс ПАЩЕНКО

**«БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ НАСТОЯЩЕГО
И ТЕМ БОЛЕЕ БУДУЩЕГО...»**

«Настоящий писатель острее других чувствует чужую боль, в особенности если это боль целого народа. Надо понять главное – чувствовать острее не значит чувствовать глубже. Просто есть люди, которые не любят громких слов, которым кажется, что и само слово бессильно там, где нужны конкретные дела. Эти люди готовы отдать всё, что у них есть – благополучие, место в жизни и, наконец, когда это понадобится, саму жизнь. Кто не любит другой народ, тот и свой никогда по-настоящему не любил. А кто любит свой народ, тот не может не любить и другой... Главное в жизни писателя – его народ. Если писатель не нужен своему народу, то он никому не нужен. Даже себе». Эта пространная выдержка из сокровенных личных записей Ильясa Есенберлина, аккумулирующая в своих строках его творческое, нравственное и социальное кредо, может быть поставлена эпитафией ко всему творчеству писателя в целом.

Активное отношение к жизни, стремление найти в художественном слове ключ к разрешению общемировых проблем, невероятно точное, быть может, даже прозорливо-пророческое ощущение основных тенденций развития эпохи, ее живого пульса, наконец, незаурядное литературное мастерство даровали Есенберлину высокое право стать летописцем великих свершений родного народа. И сегодня мы произносим его имя в ряду классиков исторического жанра: Вальтера Скотта, Генрика Сенкевича, Алоиса Ирасека, Лиона Фейхтвангера, Алексея Толстого, Василия Яна, Анатолия Виноградова, Георгия Гулия, Мориса Дрюона, Анны Антоновской, Павла Загребельного, Мориса Симашко, кстати сказать, будущего переводчика трилогии Ильясa Есенберлина «Кочевники», удостоенного за свой труд Государственной премии КазССР.

В большую литературу Ильяс Есенберлин пришел уже зрелым человеком, имевшим за плечами фронтовой опыт Великой Отечественной войны. По словам Ануара Алимжанова, в юности он «...мечтал стать металлургом. Мечта его осуществилась бы, поскольку в 1940 году он окончил Казахский горно-металлургический институт, но началась война с фашистской Германией, и Есенберлин ушел на фронт. Тяжелое ранение и после войны не позволило ему занять место в рядах молодой национальной технической интеллигенции. Основным содержанием жизни Есенберлина стала литература. Писать Есен-

берлин начал еще на фронте и, подобно многим другим, стремился проявить литературный талант в поэзии – с 1945 года стали появляться небольшие сборники его стихов и поэм. Многие стихи, переложенные на музыку, звучали по радио и с эстрады».

В рядах Красной армии Есенберлин находился с самых первых дней войны. В 1942 году он участвовал в боях под оккупированной фашистами Старой Руссой – важным центром снабжения, потеря которого означала для гитлеровцев крах обороны и разгром их войск между озерами Ильмень и Селигер. Одно из сражений едва не стало для Есенберлина роковым. Он был тяжело ранен в правую ногу, и врачи, боровшиеся за жизнь воина, всерьез ставили вопрос об ампутации. К счастью, этого удалось избежать, однако бесследно ранение не прошло, и до своих последних дней писатель страдал от неизлечимой хромоты. Письма Ильяс Есенберлина военных лет позволяют нам понять его душевное состояние, его надежды, переживания и мечты: «В такой войне всякое может случиться с человеком: можно и погибнуть, можно выжить, но остаться инвалидом... Как хочется, чтобы хоть кто-то из нас (речь идет о братьях писателя. – *Авт.*) остался в живых, пусть и калекой, и своими глазами увидел нашу Победу!»

Проведя год в госпиталях Костромы и Свердловска, Ильяс Есенберлин был комиссован по инвалидности, после чего вернулся в Алма-Ату и занялся общественной работой. Несколько лет трудился он в аппарате ЦК Компартии Казахстана, а затем был назначен директором Казахской государственной филармонии. И хотя столь многообразная трудовая деятельность требовала от Есенберлина крайнего напряжения всех душевных сил, он ни на мгновение не забывал о литературе, которую всё яснее и яснее осознавал центром своего внутреннего мира. Помимо стихов писатель также пробовал себя в драматургии – широкую известность в послевоенные годы приобрела его пьеса «Борьба в горах», которая с успехом шла на сцене алма-атинского ТЮЗа. В это же время в печати появились переведенные Есенберлиным на казахский язык рассказы и сказки великого русского педагога-демократа Константина Ушинского. «Как удавалось Есенберлину сочетать административную и напряженную творческую деятельность? – задавался вопросом писатель и литературовед Павел Косенко и тут же отвечал: – Он любил и ту и ту, и совмещать их ему позволяли его железная воля и “чувство границы”».

За внезапным арестом по обвинению в злоупотреблении служебным положением, случившимся весной 1951 года, последовал двухлетний срок на строительстве Каракумского канала, до сих пор остающийся одной из малоизученных страниц биографии писателя. В апреле 1953 года он был освобожден со снятием судимости, а еще через год – восстановлен в партии, на чем настоял второй секретарь ЦК КП Казахстана Леонид Брежнев, с вниманием относившийся к творчеству писателя. Об этом мы узнаем из малоизвестного письма Ильяс Есенберлина, которое относится к 1974 году – времени, отмеченному в судьбе писателя драматическими событиями борьбы за издание романа «Лодка, переплывшая океан». Стремясь выволить свое детище из тисков конъюнктурных запретов, Есенберлин отправил Брежневу рукопись романа, сопроводив посылку вышеназванным письмом, текст которого ввиду его историко-литературной значимости уместно привести полностью.

«С тех пор, как я лично Вами был восстановлен в партии, прошло двадцать лет. За это время я написал десять книг, большинство из них переведены на русский язык и изданы ведущими издательствами Москвы («Советский писатель», «Молодая гвардия», «Известия»), стал лауреатом Государственной премии Казахской ССР, получил несколько правительственных наград. Всю свою жизнь помня о Вашем личном участии в моей судьбе, я сейчас напи-

сал роман «Лодка, переплывшая океан»... По отзывам писательских кругов, книга удалась. Однако секретарь ЦК КП Казахстана по идеологии тов. Импашев С. Н., прочитав один из ее первых вариантов, категорически запретил не только издавать, но даже давать ее читать кому-нибудь для совета. Будучи уверен, что он не прав, направляю рукопись своего романа Вам, зная Вашу занятость большими государственными делами, очень прошу, разумеется, если сочтете возможным, поручить кому-нибудь из ответственных товарищей, знакомых с художественной литературой, – дать свое заключение».

Выстрадавшие, наполненные сердечной болью строки этого письма красноречиво говорят сами за себя. Читая их, невольно осознаешь как личную трагедию те «хождения по мукам», которые выпали писателю в последнее десятилетие его жизни...

Но всё это было еще впереди, а пока – после освобождения и восстановления в партии – Есенберлин переосмысливал всё, что к тому времени вышло из-под его пера. Он почти уже не обращался к поэзии, а к драматургии охладел вовсе. Ему казалось, что бытовавшие в них литературные формы сдерживают его творческий порыв, ограничивают в самореализации, не дают в полный голос заговорить со своим народом – главным читателем, преданным, но взыскательным. «По мнению самого Есенберлина, – писал Ануар Алимжанов, – ни в поэзии, ни в драматургии ему не удавалось со всей полнотой выразить свое творческое кредо, свои нравственные принципы, и он очень скоро обратился к прозе, которая, как ему казалось, предоставляла больший простор для художественных исканий».

«Схватка» и «Опасная переправа» – первые романы Есенберлина – сразу же стали заметным явлением в казахской литературе, а имя их автора встало в ряд с ведущими прозаиками страны. Красочный, образный язык, динамичность действия и удивительное чувство истории, делающее само время одним из главных действующих лиц этих романов, обеспечили книгам Есенберлина заслуженную читательскую любовь. Сегодня о значении этих романов полезно вспомнить и потому, что с конца 80-х годов в литературоведении, равно как и в широком читательском сознании, произошел заметный крен, и Есенберлин, посвятивший большую часть своих произведений подвигам советских тружеников, стал восприниматься едва ли не как автор одной книги – трилогии «Кочевники», которая хоть и была несомненной вершиной творчества писателя, всё же не исчерпывала всей глубины и многообразия его творчества.

«Есенберлин написал роман “Схватка” – очень острый, конфликтный, страстный. О романе заговорили: яркое и правдивое произведение о современности, построенное на резко выраженном драматическом конфликте, и тогда было такой же редкостью, как и сейчас. Роман приобрел большую популярность, а имя его автора стали произносить в числе мастеров родной литературы... Конечно, заслуги писателя в создании национального исторического романа, да и вообще в создании нового подъема общественного интереса к прошлому казахского народа, велики. Но о наших днях он писал больше, чем о прошлом. Есть среди его романов о современности и проходные для него вещи, но “Схватка” и последовавшая за ней “Опасная переправа” – это завоевание всей казахской советской литературы. Это книги, глубоко раскрывающие “драмы идей” двадцатого века», – писал Павел Косенко в своих воспоминаниях о Есенберлине.

Стоит особо отметить значительные достоинства романа «Опасная переправа» – по сути, первой художественной летописи становления казахской творческой интеллигенции и зарождения в нашей стране советской литературы. Образ главного героя произведения, Буркута Кунтуарова, воплощает наиболее типические черты мировоззрения поэтов-просветителей начала XX века, он социобириателен и вместе с тем глубоко индивидуален. Буркут, некогда писавший

стихи идиллического содержания, переживает кризис просветительства, осознает социальную сущность искусства и мучительно ищет свой собственный, неповторимый путь в новую действительность. Исторически достоверно и полнокровно воссозданы писателем страницы истории литературной борьбы 20–30-х годов, центральным вопросом которой была судьба национальной культуры.

Главный философский образ романа, образ опасной переправы, олицетворяет нравственное совершенствование человека, его неразрывную связь с народом и ответственность за собственное жизнеустройство, утверждающееся в ежедневных схватках со слепой планидой. Центральную идею произведения писатель передает словами Буркута: «Твоя судьба принадлежит тебе, иди и думай. Ты стоишь на диком и отдаленном берегу, тебе следует преодолеть ночную реку и присоединиться к своему народу – это будет опасная переправа, но ты ее должен преодолеть! Должен, если хочешь остаться человеком. Должен, если просто хочешь жить!»

За «Схваткой» и «Опасной переправой» последовал ряд масштабных художественных полотен: романы «Прикрой своим щитом» – о первоцелинниках, «Золотые кони просыпаются» – о труде советских археологов и гидрогеологов, «Мангыстауский фронт», «Золотая птица», а также тематически примыкающие к ним повести «Песнь о человеке» и «На берегу реки» – о рабочем классе республики. Откровением для читателей стал роман «Возлюбленные», в котором наиболее ярко проявились лирический талант Есенберлина и его трепетное, подлинно поэтическое отношение к высоким проявлениям человеческой души. Любовь, эту вечную тему мировой литературы, писатель понимает как высший дар и непреходящую ценность бытия, как исток и мерило всех наших взаимоотношений.

Невозможно переоценить значение *magnum opus* Ильяс Есенберлина – трилогии «Кочевники», ставшей первым романом-хроникой в казахской литературе. Новаторство художественной формы переплетено в нем с новаторским подходом Есенберлина к описываемым событиям, в котором свойственные писателю глубина философских обобщений и яркая образность переплетены с точнейшим историческим анализом. Говоря откровенно, своим литературным трудом Ильяс Есенберлин восполнил зияющие пробелы современной ему исторической науки, ведь, как справедливо отмечал Ануар Алимжанов, в то время «еще отсутствовали строго научные исследования прошлого казахов, известным историческим событиям и лицам не были даны принципиальные оценки, не были изучены сложнейшие проблемы национальной истории». И в этом отношении нельзя не согласиться с точным высказыванием известного литературоведа Зои Кедринной, считавшей, что автор «Кочевников» опередил ученых по ряду ключевых проблем изучения истории казахского народа. «Это можно было бы назвать предвидением, – говорила Зоя Сергеевна корреспонденту газеты “Вечерняя Алма-Ата”, – если бы не колоссальная работа по воссозданию каждого шага своих исторических героев».

В одном из писем Ильяс Есенберлин так определил сверхзадачу своей исторической романистики: «Почему я пишу исторические книги? На этот вопрос ответить очень трудно... Дело в том, что казахи не имели летописи, письменной хроники, но зато имели необычайно богатый фольклор, в частности эпосы. Надо сказать, что я воспитывался именно в такой среде, где с детства приучают слушать, знать и любить свои эпосы. И, вероятно, любовь к прошлому своего народа, зародившаяся во мне благодаря этим поэтическим сказаниям, заставляет меня писать художественную историю своего народа, ибо во мне сидит убеждение, что без прошлого нет настоящего и тем более будущего...» В своей трилогии писатель стремился не просто беллетризовать отдельные страницы истории казахского народа, а осмыслить прошлое во всем

его масштабе, пропустив сквозь «магический кристалл» художественного творчества. «Кочевники» – это рельефный слепок пятивековой истории Великой степи, это эпическая летопись ожесточенных социальных конфликтов и бескомпромиссной народной борьбы за свободу и независимость, это грандиозная эпопея, впервые столь ярко и объемно открывшая перед читателем сложный путь развития казахской государственности. Широка и многомерность исторического видения позволили Есенберлину раскрыть сущность диалектики времен, чьими нитями события далеких лет и общественные процессы современности сшиты в единое величественное полотно национального становления.

В историко-художественном методе писателя отчетливо проявилось упоминавшееся выше «чувство границы», благодаря которому он смог избежать опасной тенденции к модернизации прошлого, то есть к перенесению современных конфликтов в условия описываемых исторических событий. В отличие от западных писателей, для которых внешний параллелизм хронологически отдаленных явлений приобретал центрообразующее значение, Есенберлин следовал лучшим традициям советской исторической романистики, тяготевшей к поиску естественных связей между прошлым и настоящим. Идею преемственности поколений особо оттеняет гуманистический пафос трилогии, пронизанной раздумьями писателя по важнейшим вопросам человеческого бытия – вопросам войны и мира, сохранения жизни на земле, борьбы за лучшее будущее и, наконец, народного единства в этой общей борьбе.

В дневниках писателя за 1979 год можно найти примечательную запись: «Когда не знаешь жизни, не можешь думать об истории, а я прожил немало и непростую жизнь. И сейчас, оглядываясь назад, я с любопытством замечаю в себе, что мой кругозор стал шире, взгляд острее, осмысление глубже... Ведь чем выше подымается дерево, тем глубже уходят его корни в родную почву, так и человек: чем больше он думает о будущем, тем больше хочет знать о прошлом». Это не просто беглая заметка, сделанная в надежде сохранить на бумаге внезапно пришедшее в голову сравнение. Это – историко-философский концепт писателя, который складывался, принимая совершенные формы, на протяжении многих лет упорного литературного труда. Центральное место занимает в нем идея триединства прошлого, настоящего и будущего, которая не только выражает непрерывность хода истории, но и служит фундаментом духовной жизни нации. Воскрешая события древности силой своего художественного слова, Есенберлин побуждал читателей обратиться к истокам национальной культуры и помогал им осознать самих себя в бурном потоке истории. И читатели отвечали ему самой искренней любовью, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания современников. Павел Косенко писал: «Он стал действительно народным писателем – не по званию, а по сущности. Его романы с одинаковой жадностью читали и студенты в столице республики и аксакалы в самой дальней аульной глубинке. Номера “Простора” с частями его последнего произведения – исторической эпопеи “Золотая Орда” – мгновенно исчезали с прилавков магазинов».

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что, вернув казахскому народу имена славных исторических деятелей прошлого, Ильяс Есенберлин совершил гражданский подвиг, который стал одним из факторов стремительного роста национального самосознания во второй половине XX века, неоценимым вкладом в созидательные процессы становления независимого, суверенного Казахстана.

...Хранитель вечной любви – вот, по мнению писателя, самое высокое звание, какого только может быть удостоен человек. Таким и остался Ильяс Есенберлин в народной памяти – хранителем вечной любви к жизни, родной стране и ее славным людям, ее богатому языку и, конечно, к художественному слову, этому загадочному, многоликому и всемогущему спутнику вечности.